

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА – ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ НРАВСТВЕННЫХ КАЧЕСТВ

Заметный след В. Г. Распутин оставил и в литературной критике. Подобно величайшим русским писателям, он не ограничивался рамками художественных произведений, а весьма успешно выступал и в качестве «оценщика» и интерпретатора чужих текстов. Важно, что все выходявшее из-под его пера, было основательно, весомо. И как критик, и как публицист он всегда оказывался на высоте.

Статьи, очерки, литературные портреты, эссе, написанные в разные годы, посвящены А. С. Пушкину, Л. Н. Толстому, Ф. М. Достоевскому, А. П. Платонову, В. М. Шукшину, А. В. Вампилову, Ф. А. Абрамову, А. Д. Заболоцкому, В. Н. Крупину, В. И. Белову.

Вспоминая о годах собственной молодости, в статье, посвященной творчеству Сергея Лыкошина, В. Г. Распутин говорит о книге из серии ЖЗЛ о В. И. Дале, которую ему заказал Ю. И. Селезнев. К великому русскому фольклористу Валентин Григорьевич, по собственному признанию, относился как к волшебнику, который в одну человеческую жизнь сумел пожать поистине безграничное богатство, накопленное народом за несколько столетий. Сам писатель признавался: «Чтобы писать о нем, надо хоть по одной статье, хоть по одной мерке быть с ним вровень... Я тянул, не отказываясь окончательно, но и не смея сделать хотя бы начин». Но даже сам факт такого признания есть лучшее свидетельство масштаба личности и высочайшего уровня творческого дарования самого В. Г. Распутина, который осозна-

вал роль и место В. И. Даля в русской литературе и русской фольклористике. И такое отношение закономерно.

Подобно тому, как А. С. Пушкин работал над исторической прозой (в результате изучения документов и посещения архивов, из творческого замысла выросло два произведения: документальная «История Пугачевского бунта» и художественное «Капитанская дочка»), Распутин не мог себе позволить писать «с наскока». Несколько лет работы над словарем Даля окончились с крушением страны, когда на Русь пошло наступление со всех сторон: проекты переброса северных рек и строительства комбинатов на берегу Байкала, разрушение памятников архитектуры и вырубка лесов, нападки на патриотизм и осквернение национальных святынь. Все это потребовало огромных усилий в общественной деятельности и публицистике, сначала отложив на время, а потом и отняв саму возможность написания задуманного труда. А что такой труд был бы не просто успешным, а ошеломляющим, сомнений нет. И порука тому – исторические хроники и краеведческие исследования писателя.

Состояние критики – есть показатель образованности всей литературы, которая во многом определяет настроения народа, отражает народные взгляды на жизнь и окружающий мир. Эта проблема с особой силой и глубиной была понята еще А. С. Пушкиным. Он напрямую связал уровень критики с образованностью и сформированностью нравственных качеств личности. Более того, вопреки схеме, появившейся в советское время и не учитывавшей эстетическую и нравственную эволюцию основателя русского литературного языка, Пушкин представал

неизменным на всем протяжении его литературной жизни. И это облик почти декабриста, борца с самодержавием, непримиримого противника цензуры и т. д. А между тем «солнцем русской поэзии» и личностью, соответствующей знаменитому «Пушкин – наше все» мыслитель становится тогда, когда твердо преодолевает романтические черты в творчестве и становится на рельсы реализма.

И в этот период А. С. Пушкин категорически требователен к нравственному облику воспитанников кадетских корпусов – будущих офицеров армии – оплота российского государства. Для этого он предлагает особо смотреть за рукописями, ходящими между воспитанниками: «За найденную похабную рукопись положить тягчайшее наказание, за возмутительную – исключение из училища, но без дальнейшего гонения по службе».

Проблема воспитания вообще занимает важное место в публицистическом наследии Пушкина. В «Опровержении на критики» мыслитель отрицает механический подход к оценке нравственности того или иного произведения, творчества писателей в целом только потому, что отдельные стихотворения или части произведения не предназначены для детей. Это – забота взрослых, охранять нравственность детей.

Вопросы нравственности, уважения к прошлому и неприятие революции выражены А. С. Пушкиным в полном виде в статье «О народном воспитании». Защитить новое поколение можно, только исправив все проблемы общественного воспитания. Но «не одно влияние чужеземного идеологизма пагубно для нашего отечества; ... отсутствие воспитания есть корень всякого зла». Трагизм в том, что «начало есть порча нравов, а конец – гибель».

В. Г. Распутин следует в русле этой магистральной линии русской литературы, очерченной А. С. Пушкиным. Основной пафос работ Распутина связан с верой в русского человека, борьбой за представителей классической литературы. И поэтому критические работы автора дают нам более глубокое представление об идеологии его собственного творчества, о последовательной борьбе за сохранение чистоты нравов и предотвращения гибели земли русской.

Все в литературно-критических работах у В. Г. Распутина идет от жизни, от правды народной повседневности, складывающейся в Истину вечности. Именно поэтому вневременное в его статьях соседствует с сиюминутным, иногда ошибочно современниками оцениваемым как заметная величина. Так, говоря о современности великого русского поэта, мыслитель отмечает, что и сегодня А. С. Пушкин остается первым и главным защитником сербов. А слова его, относящиеся еще к 1836 году, о порядке, сложившемся в Северной Америке, о подавлении эгоизмом и страстию к довольству всего, что возвышает душу человеческую, является точной характеристикой современной североамериканской демократии. Из сказанного Распутин переходит в день сегодняшний и признается: «Нет, Пушкина, как Евтушенко, в Америку не пустили бы. Не тот избранник».

Суть творчества Ф. М. Достоевского отражена во всей полноте в нескольких обобщающих характеристиках: «К чтению Достоевского приходится готовить душу, как к исповеди, иначе ничего не поймешь».

Все у него, за исключением двух-трех политических статей в «Дневнике», сказано навечно <...>. Но для нас как-то не столь уж важно, что он пророк, для нас пророк – далекое, поднебесное понятие, до которого не дотянуться, а так не хочется отпустить от себя Федора Михайловича и лишиться его близости и доверительности. Его пророчество объясняется тем, что он был умным и внимательным смотрителем русской жизни и как исповедник знал, где в человеке искать человека. У него десятки откровений, которые превосходят человеческий ум <...>, и которые, кажется, не могут быть земного происхождения, но озарение знает, в каком сосуде блеснуть.

Самое важное, быть может, для нас сегодня – припомнить, что из своей вечности Федор Михайлович говорит о народе, из которого он вышел, о литературе, которой он служил, о жизни, которую наблюдал». Любое из предложений приведенной цитаты может стать основой, главным тезисом отдельного, полноценного, большого и самостоятельного исследования о творчестве Ф. М. Достоевского, о его связи с русской действительностью.

тельностью, о влиянии на весь дальнейший путь русской классики и на мировой литературный процесс в целом.

Замечательной особенностью статей В. Г. Распутина является основательность, глубокий анализ. Создается впечатление, что их создавал не писатель, а профессиональный критик. Действительно, глубокий разбор творческой манеры В. М. Шукшина подкрепляется основательным анализом двух десятков произведений и тридцати героев! В работе делаются выводы и обобщения, характеризующие стиль, художественную манеру, язык Шукшина. Писатель призывает разделять понятия «народ» и «население».

А о преодолении разрушительного удара по искусству В. Г. Распутин делает признание в статье, посвященной Вампилову: «Искусство только гонят революционно, по-разбойничьи, возвращается же оно всегда спокойно, по-хозяйски берясь за уборку». Но процесс возвращения длительный, а порою — мучительный. Он требует от писателя особой духовной наполненности и любви, как к героям, так и к их прототипам, людям простым, незамысловатым, порою по-детски наивным: «В теперешней литературе принято насмеяться над ними, брать в герои только для того, чтобы показать полную их несостоятельность, но для Вампилова они — удерживающее начало жизни, и он пишет их, любясь, радуясь им, относясь к ним с нежностью и необыкновенным почитанием. Чтобы дать героям такой свет, нужно и самому быть освещенным».

Та же основательность в подходе к материалу просматривается и в работе над краеведческими хрониками, историческими эссе, в описании паломнической поездки на Афон, серьезном труде о религиозном расколе в России. Передавая ощущения от паломнической поездки на святой Афон, В. Г. Распутин не просто демонстрирует начитанность и эрудицию. Для него эта поездка — часть великой духовной миссии русской литературы. Именно поэтому появляются реминисценции и прямые цитаты об Афоне из Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Н. С. Лескова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого. Есть строки из произведений отцов церкви и русских религиозных философов. Он призывает помнить «И. Павлова, Д. Менделеева, В. Вернадского, многих

других великих из научного мира, понимавших, что нет знания выше Святого Писания и нет пути в сторону от Создателя. Сейчас тот и ученый, кто постиг эту истину, которая еще недавно отдавалась людям невысокого полета; впрочем, несчастная наша цивилизация, устроенная атеистами, доведена до столь очевидного результата, в такой мелкий грош превратилась человеческая жизнь, что не постичь ее, эту истину, теперь уже, кажется, и невозможно».

По строю языка, глубине религиозного чувства мы видим ярчайшего представителя национально-религиозного, православно осмысленного крыла русской классической литературы. А. В. Карташов полтора столетия назад говорил о феномене появления в недрах русской литературы явления, которое он обозначил, как отсутствовавшее в других православных церквях культурное образование, связанное с большим «количеством и высоким качеством светских богословов. Речь идет не о профессионалах-профессорах духовных академий, а о представителях светской культуры, ставших творцами в области православного богословия и религиозной философии. Это — славянофилы Хомяков, братья Аксаковы, западник Владимир Соловьев, следовавшая за ним синтетическая школа братьев Трубецких...»

Следует признать, что перед нами продолжатель этой традиции — В. Г. Распутин: «Афон, не отдавший вражескому духу ни пяди своей земли и ни слова молитвы, остается прежним Афоном. Афон стоял и стоит на древних уставах и православной традиции; но именно потому, что он стоит на молитвенной традиции, глубокой и сокровенной, вросшей в его землю и пронизавшей его воздух вместе с двухтысячелетним преданием».

Как удивительно, через столетия перекликаются эти слова с духовной прозой Н. В. Гоголя. Выступая как последовательный христианин, он утверждал, что сила православного учения в России заключается в том, что на протяжении тысячелетия чистота православного учения, обрядов, богослужения в церкви так и не претерпела изменений. Как и сотни лет назад, вне зависимости от изменения летоисчисления, календаря, остаются неизменными основные церковные праздники и каноны православия. В ста-

ть «О том же» Гоголь отмечал, что, находясь среди нас, уже «даже самой одеждой своей, не подвластной никаким изменениям и прихотям наших глупых мод» священники отделились от нас».

Гоголь отмечает, что русский человек владеет «сокровищем, которому цены нет». А это сокровище — церковь — «снесена прямо с Неба для народа русского». Русские священники уже в самой одежде носят вечное «напоминание о Том, Чей образ они должны представлять нам», тогда как римско-католические попы сделались дурными из-за того, что «чересчур сделались светскими». Великая тайна, как бы отдаленность от светской жизни нашего духовенства, дает возможность православному иметь в качестве идеала именно русского священника. «Перед христианином сияет вечно даль, и видятся вечные подвиги». Он вечно ученик, до самого гроба.

Не менее явные параллели просматриваются и в так называемом женском вопросе. К моменту создания «Избранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголь достиг наивысшей точки духовного взлета. Духовная проза яркое свидетельство серьезнейшей внутренней работы автора, его постоянного самосовершенствования. Зарекомендовав себя как истинного православного, глубоко верующего человека, писатель попытался по-христиански осмыслить многие аспекты собственного и общественного бытия. Размышляя о роли женщины в современном ему обществе, он исходит из традиционно русского понимания женского удела, судьбы. Женщина — «хранительный талисман для мужа, оберегающий его от нравственной заразы; она есть сила, удерживающая его на прямой дороге, и проводник, возвращающий его с кривой на прямую; и наоборот, душа жены может быть его злом и погубить его навеки».

Состояние современного общества определяет Гоголем как беспорядок общества, нравственная усталость, требующая оживотворения. Светское же общество «безлюднее самого безлюдья». В этих условиях самая великая ошибка — уверенность в возможности принести большую пользу на месте и в должности другого, вместо того чтобы действовать на своем собственном месте. Умение увидеть страждущего, умение определить местонахождение нуж-

дающегося — важнейшее качество и женщины, и любого человека.

Обращаясь к адресату, Гоголь предлагает осмотреться вокруг себя и указывает на две сферы приложения усилий женщины.

Во-первых, избавление мужа от пустоты домашней жизни, наполнение ее глубоким духовным смыслом и содержанием (пустота жизни в соединении с расточительностью жены приводит, по мнению писателя, к злоупотреблениям по службе и взяткам мужей).

Во-вторых, помнить, что «у того повсюду поприще, потому что повсюду люди». Этому поприщу способствуют главные женские добродетели: красота, неопозоренное, неоклеветанное имя, власть чистоты душевной.

Разговор о женщине и ее роли в современном мире Распутин начинает с полушутливой, но в то же время серьезной фразы о том, что хорошо известная криминальным юмором французская поговорка «Cherchez la femme» («Ищите женщину») может приобрести самый серьезный смысл, если в нее внимательно вдуматься применительно к нынешнему состоянию женщины. Писатель убежден, что от женщины в обществе всегда зависело и сегодня зависит многое, а ее роль мы чувствуем лишь интуитивно.

Размышления В. Г. Распутина о женщине не просто ошеломляют глубиной и оригинальностью. Как по силе постановки проблемы, так и по глубине трагического предчувствия и религиозно-философского осмысления, они поднимаются на уровень лучших страниц «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского.

Нет смысла комментировать потрясающие строки автора: «Быть может, самая большая беда женщины — она не помнит себя, не подозревает, чем ей предстояло быть, если бы не произошли в ее психологии необратимые процессы. Бессознательно она нащупывает в себе еще не отмершие совсем, еще болящие окончания своей второй, природой намеченной фигуры, как бы контурно располагающейся внутри фигуры телесной. Фигура в фигуре — это не тип «матрешки», как может показаться какому-нибудь

насмешнику, а что-то вроде носимого в себе женщиной прообраза богородичного склада. Вынашивая плод, любя мужчину, воспитывая детей, то есть материнствуя, женствуя и учительствуя, она словно бы делала все это не от себя только, но в согласии с проведенным через нее заветом. Эти отзвуки и отсветы богородичности должны все же являться женщине время от времени неожиданной и страстной тоской по самой себе; они должны являться даже самым потерянными и отпетыми, и им, быть может, чаще и болезненней. Если у человека болит отнятая рука или нога, то как, надо полагать, болит и жалкует отнятое существо!

«Миrotкушая» — так издавна называли женщину. Охранительность — вот сущность женщины. О кормление семьи, оприятие мужа, воспитание детей, добрососедствование — круг ее забот. Но над этим кругом возвышается еще и купол, являющийся веровойнадмирностью, выходом из мирского в небесное, без которого обыденность и повторяемость трудов могли бы показаться узким и скучным мирком».

Отталкиваясь от мыслей, высказанных В. В. Розановым о том, что главная задача женщины состоит только в воспитании человека, прежде всего в семье, В. Г. Распутин делает вывод, что задача женщины и шире, и труднее, и величественнее. И хотя вернуться на прежнее место нельзя, ибо сместилась целая эпоха, сместив вместе с собою и человеческое содержание, тем не менее, следует выполнять призыв: «Ищите женщину». И находить.

Рассматривая женский вопрос в современном обществе, В. Г. Распутин прибегает к серьезному анализу литературных образов женщин: «Ольга Ильинская надеется победить лень Обломова, Вера у Гончарова же в «Обрыве» рассчитывает смягчить губительный нигилизм Марка Волохова, Соня Мармеладова у Достоевского, готовая на все, чтобы спасти от отчаяния Раскольников, по бескорыстному сложению своей нравственной фигуры достойны памятника; коли и литературным героям дарованы теперь эти почести — чей еще образ мог бы служить указанием на величие женщины!» Но глубокой проработке подверглись и реальные исторические лица,

ставшие знаковыми в свою эпоху и деформировавшие как самоощущение женщины, так и ее нравственный статус — Вера Засулич, Софья Перовская.

«В КАЖДОМ РАЗВИТОМ ДУХОВНО ЧЕЛОВЕКЕ ПОВТОРЯЮТСЯ И ЖИВУТ ОЧЕРТЕНИЯ ЕГО РОДИНЫ»

Вообще деформация личности есть одна из центральных проблем, волнующих В. Г. Распутина. Всю жизнь он искал ответ на вопрос о том, как преодолеть распад целостности человека, как сохранить его единство с окружающим миром, семьей, народом.

Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» заметил, что безобразие — несчастье временное, «а дар великодушия есть дар вечный, стихийный, дар, родившийся вместе с народом, и тем более чтимый, если и в продолжение веков рабства, тяготы и нищеты он все-таки уцелеет, неповрежденный, в сердце этого народа». Федор Михайлович высказывает мысль, что единственная любовь народа русского есть Христос, и он любит образ его по-своему, то есть до страдания».

Именно поэтому, дойдя до последней черты, русский народ спасает себя сам, т. к. «характерно, что обратный толчок, толчок восстановления и самоспасения, всегда бывает серьезнее прежнего порыва — порыва отрицания и саморазрушения...»

В. Г. Распутин на новом этапе развития российской истории выдвигает новую формулу: «Быть может, между человеком и Богом стоит природа. И пока не соединишься с нею, не двинешься дальше. Она не пустит». Так воедино автор закольцевал святость и незыблемость понятий Родины, Христа, народа и родной природы. В свете этой формулы борьба Распутина за Байкал, стремление решить экологические проблемы приобретает иной смысл, глубинный, освященный светом Веры православной. И природа у него не просто одухотворена, а, как следствие из основных постулатов христианской веры, имеет душу, а значит, способна чувствовать, страдать, отзываться на влияние извне, вторжение человека в запретные пределы. И это не умозрительные выводы.

В статье о борьбе за чистоту Байкала великий русский писатель скажет об этом непосредственно: «Кроме природной биологической цепочки, в той же взаимозависимости существует и общественная психо-нравственная цепочка. В самом Байкале мутируют водные организмы, на берегах Байкала мутирует человек, поражаются чувствительные центры, атрофируется восприятие красоты, перестает звучать в душе аллилуйя Создателю Целью человеческого существования открыто становится потребительство. Бескультурный, бездуховный, безнравственный мир, руководимый теневой силой, провозгласивший глобализацию как инструмент единого планетарного рынка и беспредельной власти монополий и банков, — да разве остановится такой мир перед дальнейшим уничтожением природы» .

А завершает статью о Байкале и сохранении природы автор словами о Родине: «Теперь впору говорить с одышкой после множественных отступлений от былого величия: Россия у нас одна! Другой, запасной, нет».

Неудивительна мысль Распутина о том, что природа всегда нравственна, «безнравственной ее может сделать лишь человек. Не ею ли и крепится наше благоразумие и благодеяние?!»

Важным признанием писателя стала мысль о том, что в каждом духовно развитом человеке повторяются и живут очертания его Родины. Именно поэтому очерки об истории Сибири, Иркутска, малых и больших городов, Транссибирской и Кругобайкальской железной дороги, исторических деятелях, осваивавших и развивавших восточные регионы России, занимают немалое место в публицистическом наследии В. Г. Распутина.

Исследуя историю второй малой Родины — Иркутска еще в 1979, году он не только ссылается на работы писателя и этнографа Н.М.Ядринцева, исследования С. В. Максимова и других авторов. Самое главное в том, что он возвращает массовому (тогда еще действительно массовому. — Д. К.) читателю имена царских генерал-губернаторов, революционных деятелей, архитекторов и создает собирательный образ жителя Иркутска той далекой эпохи. Нигде не идя против исторической памяти, Валентин Григо-

рьевич не идет в русле вульгарного социологизма и принципов революционного отображения окружающей действительности с точки зрения победившего класса. Люди, независимо от их положения в обществе, материального состояния показываются такими, какими их сохранила память народная.

Тезис писателя о необходимости разделять душу мастера и элементарную человеческую добросовестность вводится в статью не для красоты, а устанавливает четкие ориентиры оценки эпохи и людей. Действительно, «душа не служит, она царит; она берет порою тяжелые подати, выводя человека из ряда обыкновенных, живущих хлебом единым и не желающих знать иных, но она же затем выводит его из ряда обыкновенных смертных, без вести погребенных под тяжелыми пластами времени». А раз так, то и человек оценивается по тому, как развернулась его душа: на созидание и преобразование во имя людей или на удовлетворение собственных потребностей. Поэтому-то видение В. Г. Распутина идет в разрез с существовавшими установками: «Многие из тех, кого мы называем толстосумами, были людьми широко и разносторонне образованными, они выписывали из Москвы и Петербурга лучшие журналы и книги не только для себя, но и для устройства публичных библиотек».

На конкретных цифрах и примерах писатель показывает, как Иркутск жил, как развивался и как опережал по уровню благотворительности Москву и Петербург. Описание Иркутского кафедрального собора, который возводил К.Тон, автор проекта Храма Христа Спасителя в Москве не просто приводится для «поднятия самооценки» сибиряков, а вписывает Иркутск и его жителей в контекст развития Российской империи и накрепко соединяет сибиряков и Центральную Россию в единый живой организм, пускай и разделенный тысячами километров, но спаянный единством исторической судьбы русского народа. Для автора одинаково неприемлемы как царский вице-губернатор Трескин, «прославившийся» непримиримой борьбой с местным купечеством, генерал-губернатор Анучин, каздивший из-за личной обиды учителя, так и современные В. Г. Распутину деятели, разрушающие памятники старины: «Народ

наш (и это не досужая выдумка автора) с обостренным вниманием следит за судьбами тех, кто в свое время, хоть и в качестве исполнителей, повинен был в уничтожении и забвении памятников старины, и всякое неблагополучие в их жизни готов принимать за законное возмездие. Даже при понятном преувеличении <...> стоит тем не менее помнить об этом живущем требовательном ожидании; люди хотят верить, что безнаказанности не существует».

Публикуя работы о Сибирском регионе, В. Г. Распутин затрагивает не только упоминания, записанные в «Истории» Геродота, но и на нескольких десятках страниц подробно исследует разные варианты биографии покорителя Сибири Ермака. Анализ многочисленных работ об этом удивительном человеке приводит к печальным обобщениям. Мы, сегодняшние, знаем все о Колумбе, открывшем Америку: откуда родом, когда родился, чем занимался до того, как стал известен. Даты, вплоть до дня, когда он совершал первое, второе, третье и последующие путешествия. С горечью В. Г. Распутин восклицает: «Что Колумб! — о древнеримских императорах и патрициях мы помним больше, чем о Ермаке». Чтобы не превратится в болтуна, обличителя беспамятства, ничего не сделавшего для сохранения и восстановления исторической правды, писатель изучает работы современников: историков, этнографов, краеведов, встречается со старожилами, сохранившими в фольклорных источниках упоминания о Ермаке Тимофеевиче, а также серьезно прорабатывает Строгановские летописи. Но и здесь В. Г. Распутин не изменяет себе, крестьянской привычке все делать основательно. Рассказ о Ермаке не превращается в моноповествование об одном герое. Перед нами проходят десятки исторических героев, делаются исторические обобщения, иногда довольно неожиданные для читателя, но оттого еще более интересные и познавательные. Размышляя об отсутствии в России традиции открывать памятники отличившимся городам, писатель высказывает потребность открыть памятник Великому Устюгу, например, на Лене, где к середине XVII века собрались «землесведыватели», все родившиеся в этом российском городке в ту далекую пору бросавшем

вызов самому Великому Новгороду: «И величие свое он подтвердил в именах Семена Дежнева, Ерофея Хабарова, Василия Пояркова, Владимира Атласова, Василия Бугра, Парфена Ходырева и многих, многих других, добывших себе по сибирским рекам, морям и волокам мужественную славу».

Не менее важное нравственное значение имеют исторические очерки и публицистические исследования о Кяхте — порождении торгового брака России и Китая, маленьком городке с большой славой; о Русском Устье — потрясающем памятнике русской истории и культуры, одном из первых русских поселений на реке Индигирке; о потрясающем собрании полотен великих художников в Иркутском художественном музее; о Тобольске и многом другом, о чем рамки статьи рассказать не позволяют...

В не менее глубоких исследованиях о Кругобайкальской железной дороге, о Транссибирской магистрали есть немало интереснейших исторических сведений, важных как в познавательном плане, так и в историческом. Эти работы так же содержат важные обобщения и выводы. Так полемизируя с теми авторами, кто говорил о лениности и непроизводительности труда русских, прежде всего с В. В. Розановым В. Г. Распутин заметил: «Но кто же, позвольте спросить, прежнюю-то Россию построил в шестую часть суши? Кто воевал за нее, ибо ленивый в работе труслив в бою?»

«МЫ НЕ ПРЕДАЛИ КРЕПОСТЕЙ, НА КОТОРЫХ СТОИТ РОССИЯ»

Не раз писателю приходилось полемизировать по поводу мифов, распространяемых о русском человеке как представителе народа-раба, народа-алкоголика. И действительно, каким же тогда чудом больше тысячи лет стоит русская земля и существует народ наш? Кто, как не он сам, спасал себя, а нередко и остальной мир от полчищ монголо-татар, от нашествия Наполеона, Гитлера? Да не могло быть у народа-раба, у князя-труса традиции заранее оповещать противника: «Иду на Вы!» да еще самому на поле брани биться впереди своей дружины. Описывая наших далеких языческих предков — славян, византий-

ские писатели и историки (император Маврикий, Прокопий Кесарийский, Лев Диакон и др.) отмечали удивительное гостеприимство, доброжелательность к иноземцам, в том числе и к пленным, которые никогда не становились рабами. Скромность славянских женщин, по их мнению, «превышала всякую человеческую природу». Славянский князь Святослав, язычник, разгромил опаснейшего противника Руси — Хазарский каганат, что не удавалось никому из предшественников. Но в 971 году православные воины Иоанна Цимисхия окружили войско Святослава, не знавшего до этого поражений. Мир был заключен в обмен на клятву не воевать против православных. У Святослава, отпущенного под честное слово с оружием и войском, не возникло мысли нарушить условия договора. А они в то время заключались клятвенно, через рукопожатие или (у православных) целованием креста. Нарушение клятвы было несмыслимым позором. Таким образом, принятое позже православие и основные христианские заповеди легли на благодатную и подготовленную почву славянской души.

Неудивительно, что В. Г. Распутин уже вне всякой полемики (а оправдываться и упражняться в развенчании многочисленных мифов о русских надоело) утверждает: «Просматривается любопытная закономерность: чем тяжелей условия, в которых жил сибиряк, чем больше физических усилий затрачивал он на привыкание и выживание, тем богаче поэзия. Дело, значит, не в мере физических трудностей, заглушающих песню и обряд, а в мере общинной крепости и слитности, не обходящихся без песни». Труд, соборное единство народа, реализуемое в общинном духе — вот те основания, крепости, которых нельзя сдавать, те основания, которыми не поступиться!

В свое время, в эпоху русской смуты 1917 года, русскому народу, по мысли И. А. Ильина, остро необходимо было «духовное возрождение и обновление». Дух, воля, способность распознавать врагов государства и противостоять им — необходимые качества. В статье «О возрождении России» русский философ указывал на последствия, к которым приводит мягкость и бездумная душевная открытость: «Россия рухнула

на наших глазах не потому, что русский человек был силен во зле и злобе, а потому, что был слаб в добре (так у И. А. Ильина. — Д. К.)».

Современное Ильину состояние России, русского духа он оценивает как униженное и развращенное. Для подлинного возрождения и духовного обновления необходимо помнить, что «...деморализация, водворившаяся в России, — есть не свободная, а навязанная...»

Против навязанной стране и многонациональному народу России идеологии Разгула, бескультурья, аморальности последовательно выступал В. Г. Распутин. Закономерно совпадение оценок и выводов, цитирование великого русского философа.

В один из самых трудных и переломных периодов российской истории, в 1992 году Распутин провозгласил: «Нас отрывают от веры — не оторвемся. Душа русского человека нашла свой подвиг и свое пристанище в православии, и только там мы обретем ее для искупительных и спасительных трудов, только там соединимся в своем временном и вечном призвании, а не в блудливых похождениях по задворкам чужих толков и религий».

Есть немало примеров того, как истинные творцы борются за свои идеалы и убеждения. Не бросил роман, не публиковавшийся последние годы жизни М. Булгаков. После выхода в свет книги «Верность» полтора десятка лет не издавался О. Михайлов. Такая же судьба постигла в середине 70-х И. Шафаревича. Серьезные проблемы были у Ю. Селезнева (бывшего члена КПСС, что не мешало ему пропагандировать идеи учителя, принципиально отстаивать русскую идею). Совсем не гладко развивалась творческая судьба В. Кожинова. Л. Бородин за свои убеждения отсидел в лагерях 14 лет, сохранив при этом взгляды, человеческое и гражданское лицо! Жизненная неустроенность не помешала детдомовцу Н. Рубцову стать выдающимся русским поэтом, не озлобившимся на окружающих людей. Никогда не отрекался от избранной линии В. Г. Распутин.

На прямой вопрос Виктора Кожемяко о том, как чувствовать себя, когда В. В. Кожинова, И. Р. Шафаревича, М. Н. Лобанова, В. Г. Распутина и мно-

гих русских патриотов либеральные СМИ именуют фашистами, сам писатель ответил прямо: «Ничего, фронтовая действительность закаляет. «Не нравиться дурным, — говорил Сенека, — для человека похвально».

Появление подлинно русского писателя (и по духу, и по содержанию) в литературе всегда событие. Но литература в России всегда была больше, чем просто искусство, это — призвание и готовность к борьбе за право быть услышанным. Для В.Г.Распутина «Призвание — это призванность, задание на жизнь. Шолохов, Твардовский, Абрамов, Шукшин, Носов, Белов могли иметь другие имена, но они не могли не явиться, ибо именно так наступила пора считать судьбу и душу народную».

Этого-то своеобразия не хочет никак понять Европа и Америка. И это историческая реальность. В работе «Против России» еще в 1948 году И. Ильин писал: «Где бы мы, русские национальные эмигранты, ни находились в нашем рассеянии, мы должны помнить, что другие народы нас не знают и не понимают, что они боятся России, не сочувствуют ей и готовы радоваться всякому ее ослаблению».

Именно потому, что В. Г. Распутин последовательно и бескомпромиссно отстаивал собственные убеждения и ценности, основанные на тысячелетней истории и православной нравственности, на традиции русской классической литературы и крестьянском характере, он с полной уверенностью с высокой трибуны мог заявить на весь мир: «У нашего писательского союза не запятнанные перед Отечеством перо и честь во все минувшее окаянное десятилетие. Мы не отступили от праведности и совести литературы. <...> не предали мы ни земных, ни небесных крепостей, на которых стоит Россия, ни святынь наших, ни души, ни оружия, ни товарищей...»

* * *

Страшные потери последних лет сильно согнули, но не сломили Валентина Григорьевича. В 2006 году в ужасной авиакатастрофе в аэропорту родного для писателя Иркутска на глазах встречающих сгорела живо его дочь. Через несколько лет умерла люби-

мая жена. Пережив глубокую личную трагедию, писатель не изменил ни своих убеждений, ни идеалов. Он продолжал главное дело всей жизни — борьбу за человека, отстаивание малой своей родины — Сибири и защиту интересов России. Валентин Григорьевич не потерял веру в русский народ и его светлое будущее. В пространном интервью Савве Ямщикову и Виктору Кожемяко он бескомпромиссно стоял на рубежах борьбы за святую для него Русь, нигде не оступившись, ни в чем не проявив слабости, ни единожды не отказавшись от собственных убеждений. Когда другие дискутировали по поводу границ дозволенного в современную эпоху, он выступил бескомпромиссным противником попрания святынь и веры и решительно протестовал против святотатства в храме Христа Спасителя беспаланными участницами группы «Пуси Райт». Он бескомпромиссно бился за право сохранять имена русской литературы в истории. В беседе с Саввой Ямщиковым он с горечью произнесет: «А уходят эти богатыри незамеченными. И Евгений Иванович Носов, один из величайших писателей, и Богомолов — ни строчки, как будто не было их. Когда Юрий Кузнецов умер, даже пришлось с письмом обратиться к президенту: почему нигде ни слова? Это же точки отсчета, вершины!»

Для В. Г. Распутина до последних секунд жизни главным жизненным принципом, мерилем правильности поступков, духовным идеалом оставались слова, сказанные в одной из работ: «Нельзя мне поступать дурно, ибо я — русский». ■